

УДК 343

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В РОССИИ ОТ «УЧРЕЖДЕНИЙ» ДО СВОДА ЗАКОНОВ (1775-1832 ГОДЫ): ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Упоров Иван Владимирович,

д.и.н., к.ю.н., профессор,

Российская академия естествознания, г. Краснодар

uporov@list.ru

Аннотация

В статье дается историко-правовая характеристика тенденций развития уголовного судопроизводства Российской империи в период от Екатерины II до первой трети XIX в. Отсчетными событиями стали важнейшие, фундаментальные законы в данной сфере общественных отношений – «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (1775 г.) и Свод законов уголовных, включенный в т. 15 общего Свода законов 1832 г. Соответственно именно этим актам уделяется основное внимание при анализе соответствующих правовых норм, который осуществляется на примере производства по уголовным делам о государственных преступлениях. Отмечается, что в екатерининскую эпоху в рамках общей реформы государственного управления была сформирована система судебных инстанций, при этом судьи работали на постоянной основе. В Своде законов уголовных (Книга вторая «О судопроизводстве по преступлениям») подробно отрегулированы вопросы производства предварительного следствия и судебного рассмотрения уголовных дел. В обоих случаях это было сделано на заметно более высоком технико-юридическом уровне, чем раньше. В совокупности сформированное законодательство о российском судопроизводстве в дальнейшем стало основой для Судебной реформы 1864 г., которая проводилась уже в духе либеральных идей.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судебная система, Свод законов уголовных, предварительное следствие, приговор, политические преступления.

CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA FROM "INSTITUTIONS" TO THE CODE OF LAWS (1775-1832): TRANSFORMATION IN HISTORICAL AND LEGAL TERMS

Uporov Ivan Vladimirovich,

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor,

Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar

uporov@list.ru

ABSTRACT

This article provides a historical and legal analysis of the development trends of criminal procedure in the Russian Empire from the reign of Catherine II to the first third of the 19th century. The landmark events were the most important, fundamental laws in this area of social relations: the "Institutions for Governing the Provinces of the All-Russian Empire" (1775) and the Code of Criminal Laws, included in Volume 15 of the General Code of Laws of 1832. Accordingly, these acts are the primary focus of this analysis of the relevant legal norms, which is carried out using criminal proceedings for state crimes as an example. It is noted that during the Catherine era, as part of the general reform of public administration, a system of judicial instances was formed, with judges serving on a permanent basis. The Code of Criminal Laws (Book Two, "On Legal Proceedings for Crimes") thoroughly regulated the conduct of preliminary investigations and the judicial consideration of criminal cases. In both cases, this was done at a significantly higher technical and legal level than before. Taken together, the resulting legislation on Russian legal proceedings later became the basis for the Judicial Reform of 1864, which was implemented in the spirit of liberal ideas.

Keywords: criminal procedure, judicial system, Code of Criminal Laws, preliminary investigation, verdict, political crimes.

В России довольно долго не было системного правового регулирования уголовного судопроизводства. Ситуация стала меняться в годы правления Петра I, когда были приняты такие акты, как «Краткое изображение процессов и судебных тяжб» от 30 марта 1716 г. и «О форме суда» от 5 ноября 1723 г. Однако эти акты в историко-правовой литературе истолковывается неоднозначно. Так, касаясь Указа «О форме суда», К.Д. Кавелин писал, что «Об этой форме судопроизводства существуют у нас два противоположных мнения. Одни думают, что она была таким же нововведением, как и большая часть учреждений, данных России Петром Великим, другие, напротив, видят в ней восстановление нашего древнего суда, формы гражданского судопроизводства, разумеется, видоизмененной сообразно потребностям времени» [1, с. 286]. а Ф.М. Дмитриев отмечал, что «указ вообще умалчивает о многих существенных частях процесса: в нем ничего не сказано о судебных доказательствах, об исполнении приговора, опущены способы взыскания и судебные пошлины» [2, с. 542]. При этом еще не было судов как специальных судебных органов, соответственно судебные функции выполняли, наряду с другими функции, Сенат, коллегии, органы политического сыска, создаваемые по конкретным уголовно-политическим делам суды (судебные комиссии).

В дальнейшем судебная система была реформирована, и прежде всего в организационном плане, что нашло отражение в таком фундаментальном законе, как «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи (1775г.)» [3] и ряде последующих правовых актов. Этот закон существенно реформировал всю систему государственного управления в России, в том числе это в судебной системе. Тогда была предпринята попытка разделения судов и административного управления, но это было сделано непоследовательно, поскольку сохранялось подчинение судебных органов по вертикали не только вышестоящим судам, но и органам управления и судебно-административным органам, в том числе на местах губернаторы имели право ревизии судебных приговоров. Особенно это касалось рассмотрения дел по политическим преступлениям – здесь подчинение суда высшей власти было очевидным, и эта особенность судопроизводства по преступлениям против государства сохранялась с предшествующего времени. Вместе с тем ряд изменений способствовали совершенствованию российской судебной системы. В частности, в большей степени вводился принцип коллегиальности, в

определенных пределах к правосудию стало привлекаться население (разумеется, не из числа низших сословий), выборность судей также имела место. Сенат превращался в высшую судебную инстанцию. Новыми ценностями правосудия были признаны сословное процессуальное равенство, распространение прокурорского надзора за законностью на деятельность местных судов [4, с. 36].

В организационном плане согласно ст. 164, 165 и другими статьями Главы XIV «Учреждений» в каждой губернии (наместничестве) учреждался верхний земский суд, где заседали первый и второй председатели и десять заседателей, избираемых каждые три года из числа дворянства по месту территориального охвата суда. Верхний земский суд состоял из двух департаментов для рассмотрения соответственно уголовных и гражданских дел и под его контролем были уездные суды, дворянские опеки и нижние земские суды по его «окружности». Согласно ст. 173 «в верхний земский суд вносятся по апелляции на уездные суды, дворянские опеки и нижние земские суды все дела, жалобы и тяжбы дворянские и на дворянина как гражданские, так и уголовные дела, касающиеся до вотчин, привилегий, завещаний до наследства в имении и до права наследования, спорные о владении, тяжкие до бесчестия и до права стряпчих касающиеся, тако ж и все дела разночинцов тех, кои по правам апелляции на уездные и нижние земские суды непосредственно до верхнего земского суда принадлежат» [3]. Апелляционной и ревизионной инстанциями для городского суда был Губернский магистрат, учрежденный в каждой губернии. В зависимости от размеров губернии могло быть открыто более одного такого суда. В состав Губернского магистрата входили два председателя и шесть заседателей. Председатели назначались Сенатом по представлению губернского правления. Заседатели выбирались губернским городом один раз в три года из купцов и мещан губернского города путем баллотировки. Выбранные кандидаты подлежали утверждению губернатором. При Губернском магистрате состояли прокурор, стряпчий казенных и стряпчий уголовных дел. Губернский магистрат подразделялся на два департамента: гражданских и уголовных дел. В случае скопления большого количества гражданских дел их могли рассматривать оба департамента. Губернскому магистрату подчинялись городские магистраты, сиротские суды и ратуши той губернии, в которой он был создан.

Палата уголовного суда в качестве первой инстанции ведала должностными преступлениями, т. е. делами, касавшимися в основном власть имущих. В качестве суда второй инстанции Палата решала дела по наиболее тяжким преступлениям, рассмотренным сословными судами губернии, причем не как кассационная или апелляционная, а как ревизионно-решающая инстанция. Порядок решения этих дел был таков: нижестоящий суд после рассмотрения дела по существу обязательно передавал его на окончательное решение Палаты, которая, исследовав дело с точки зрения законности и обоснованности, выносила свой приговор. «Учреждения» специально определяли дефиницию «ревизии уголовных дел - это «не что иное есть, как прилежное рассмотрение, произведено ли дело порядочно и сходственно с законами, сколь для оправдания невинности, столь и для приведения в ясность преступления, или для обличения преступника». Решенное дело поступало к наместнику, чтобы «повелени ем» его «в страх злым наказан был преступник за преступление...» [3]. Утверждать и исполнять приговор Палаты уголовного суда должен был начальник губернии, а в случаях сомнения доносить о нем Сенату или императору. Разумеется, о преступлениях против государства доклады императрице были обязательными. Как видно, власти удалось сформировать определенную систему судоустройства, которая, в своей концептуальной основе сохранится на последующее время. А принцип разделения вышестоящих судов на уголовную и гражданскую палаты (коллегии) сохраняется в России и до настоящего времени [5, с. 89].

Вместе с тем окончательного разделения суда от административного управления, как указывалось ранее, еще не произошло. Правосудие носило всё более выраженный сословный характер, не было и гласности судебных процессов (и тем более по уголовно-политическим делам - в таких случаях создавались специальные временные судебные органы, как, например, по делу Пугачева и его сподвижников). Имела место преимущественная письменность судебного производства. В то же время усилились централизация и бюрократизация судебной системы, а в контексте реформирования судебной системы в соответствии с требованиями абсолютной монархии, как пишет А.С. Милосердов, появились лишь некоторые слабые намеки на предстоящую либерализацию и демократизацию судебной системы и судебного процесса [6, с. 103].

Здесь важно заметить, что следствие по большинству уголовных дел стало отделяться от суда и передавалось в ведение полиции, созданной, как ранее отмечалось на регулярной основе при Петре I, и затем ее статус более четко был определен в екатерининском Уставе благочиния, или полицейском от 8 апреля 1782 г. Тогда же, в ходе преобразований в судебной сфере Сенат вновь, и уже надолго приобрел значение высшего суда империи, а бывшие у него надзорные функции в основном объеме были переданы генерал-губернаторам, получившим, как отмечалось, обширные полномочия, в том числе право приостанавливать исполнение судебных решений, если они находили их несправедливыми.

Обращает внимание, что «Учреждениями» не предусматривались регулярные (т.е., постоянно действующие) суды для рассмотрения дел о преступлениях против государства. Уголовно-политические дела рассматривали общие суды; другое дело, что в отношении конкретных дел верховная власть определяла состав судей, которые примут «нужное» решение, и организационные стороны судебного процесса (например, его закрытость). А по особо важным делам создавались «разовые» Верховные уголовные суды. Здесь же заметим, что в период правления Екатерины II имелись и иные проекты реформирования сферы верховного правосудия, в частности, предполагалось создание Главной расправной палаты и Генерального суда, однако по разным причинам эти проекты не были реализованы [7, с. 128].

Впервые Верховный уголовный суд был учрежден высочайшим Манифестом от 17 августа 1764 г. по делу подпоручика Смоленского пехотного полка упомянутого выше Василия Мировича за его попытку освободить из Шлиссельбургской крепости несчастного молодого человека, формально экс-императора Ивана Антоновича, но фактически «вечного» узника казематов на фоне интриг-борьбы за трон. Затем Верховный уголовный суд был создан для суда над участниками «чумного бунта» в Москве в 1771 г. Вызванный эпидемией чумы, занесенной с русско-турецкого театра военных действий, бунт начался 15 сентября по звону Кремлевского набатного колокола. После трехдневных уличных боев «чумной бунт» был жестоко подавлен, 473 участника были приговорены к наказанию кнутом и сосланы на каторгу, а 4 человека повешены (купец И. Дмитриев и дворовые люди В. Андреев, Ф. Деянов и А. Леонтьев). Затем Верховный уголовный екатерининское время создавался по делу о восстании Пугачева. Тогда же в российском обществе среди общественных деятелей (С.Е. Десницкий, Д.И. Фонвизин и др.) высказывали либеральные идеи в сфере судопроизводства, в частности, о том, что государь должен осуществлять свои властные полномочия на основе непреложных законов, а суд не должен подчиняться исполнительной власти. Но эти идеи были отвергнуты, и за фасадом идей Просвещения, в противовес расширению прав дворянства, положение крепостных крестьян продолжало ухудшаться, а конституционные мысли просвещенной императрицы на практике обернулись «небывалым ограничением прав значительной части населения страны» [6, с. 109]. В свою очередь, Я.Н. Куемжиева пишет о том, что в екатерининское время сложившаяся

тогда судебная система представляла собой компромисс между стремлением отделить суд от администрации, создать отдельный суд для каждого сословия и возложить на начальника губернии надзор, среди прочего, и за деятельностью судов [8, с. 56.].

Как бы ни было, но созданная в эпоху Екатерины II организационная структура судебной системы в своей основе функционировала до судебной реформы 1864 г. А вот в части собственно судебного производства изменений в первой половине XIX в. было заметно больше, учитывая как отсутствие достаточно четких процессуальных правил, так и сложность имевшихся процедур, характеризующихся громоздкостью, бюрократизацией следственных действий, произволом полицейских, производящих дознание, судов, выносящих приговоры, плохими условиями отбывания наказания в местах лишения свободы и как предварительной меры пресечения, и как отбывания наказания. Во многом это было следствием заметного отставания уровня развития уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства от тех общественно-политических условий, в которые входила Россия после отмены пыток во время следствия по уголовным делам в 1801 г., победы в Отечественной войне 1812 г., восстания декабристов в 1825 г. Достаточно сказать, что до издания Свода законов Российской империи 1832 г. уголовно-процессуальное законодательство, в отличие от структурирования судебных мест и их взаимосвязи, о чем говорилось выше, не было систематизировано и, соответственно, действовали в немалом количестве разрозненные уголовно-процессуальные нормы предшествующего времени [5, с. 94].

В этом контексте, как отмечает Д.В. Горожанкина, вопросы систематизации российского законодательства в конце XVIII - первой четверти XIX вв. выдвигались в число первоочередных проблем в регулировании различных сфер деятельности Российского государства, поскольку во многом в связи с отсутствием системности в законодательства возникало много проблем в правоприменительной деятельности при осуществлении правосудия. Первая четверть XIX в. характеризовалась попытками кодификации отраслевого законодательства, в рамках которой была осуществлена подготовка Комиссией составления законов Устава уголовного судопроизводства 1818 г., разработка которого проходила в контексте создания проекта Уголовного уложения 1833 г. Данный проект подводил своеобразную черту теоретических подходов и организационных начал над попытками кодификации уголовно-процессуального законодательства, и хотя этот проект так и не стал действующим законом, он позволил чиновникам-составителям текстов законов набрать определенный опыт, определить начальную базу деятельности по систематизации уголовно-процессуального законодательства в последующей законотворческой деятельности в данной сфере общественных отношений, соответственно во второй четверти XIX в. значительно активизировалась работа по систематизации как всего законодательного массива Российской империи, так и систематизации уголовно-процессуального законодательства в частности [9, с. 60].

И вот в 1832 г. принимается Свод законов Российской империи, где в т.15 («Свод законов уголовных») в развитие предшествовавшего уголовного судопроизводства и имея в виду его совершенствование, помещена Книга вторая «О судопроизводстве по преступлениям» [10]. Тем самым в рамках проводимой тогда фундаментальной систематизации российского законодательства был сделан следующий шаг в развитии не только уголовного (Книга первая т.15), но и уголовно-процессуального законодательства, в том числе это касалось не только особенностей собственно судопроизводства (судебного рассмотрения), чему посвящен основной объем данного акта, но и, в некоторой степени, как организационных основ судебной системы по уголовным делам.

Книга вторая Свода законов уголовных 1832 г. имела следующую структуру: Раздел I. Об уголовном судопроизводстве вообще (ст. 766-790); Раздел II. О предварительном

следствии (ст. 791-881); Раздел III. О формальном следствии (ст. 882-1006); Раздел IV. О производстве дел уголовных в первой степени Суда (ст. 1007-1073); Раздел V. О ревизии дел уголовных во второй степени Суда (ст. 1074-1167); Раздел VI. Об исполнении приговоров по делам уголовным (ст. 1168-1217); Раздел VII. Об особенных родах судопроизводства по делам уголовным (ст. 1218-1594). Здесь не было специальных норм по производству дел о преступлениях против государства – они рассматривались общими судами, но по особо важным делам предусматривалось создание специальных Верховных уголовных судов, на что выше уже обращалось внимание.

Следует заметить, что этой Книге второй, в отличие от Книге первой («О преступлениях и наказания вообще»), образно говоря, «повезло» в меньшей степени – в том смысле, что если в отношении материального уголовного права была проведена кодификация (выделение Общей и Особенной частей), то в отношении уголовно-процессуального законодательства этого сделано не было. Тем не менее уголовно-процессуальных нормы были все же сформированы и сконсолидированы. В литературе по этому поводу после начала Судебной реформы 1864 г. в обоснование причин ее проведения отмечалось, что уголовное судопроизводство первой половины XIX в. «общему, полному пересмотру не было предметом особой, систематической законодательной работы ... Вторая книга XV тома Свода законов есть не что иное, как собрание разнородных постановлений, частью оставшихся от древнего нашего законодательства, частью изданных впоследствии в разные времена при преобразованиях по судебной и административной частям, нередко для разрешения каких-либо частных, отдельных вопросов. От сего происходит, что сии постановления вообще неполны, не имеют необходимой между собой связи и надлежащего единства, а иногда и противоречат одни другим» [11, с. 19]. Даная оценка дана достаточно квалифицированным специалистом – начальником второго отделения императорской канцелярии Д.Н. Блудовым (именно это отделение занималось администрированием законотворческой и судебной деятельности). Но были и другие мнения. Так, К.С. Бельский пишет о том, что хотя составители Книги второй так и не создали первой в России уголовно-процессуальной кодификации, не создали в полном смысле «нового» уголовного судопроизводства, им все же удалось «с блеском» разобраться в огромной массе законов и указов, которая копилась веками, удалось «отсеять все второстепенное и негодное, исправить и отшлифовать его, что могло быть использовано для настоящего времени» [12, с. 90].

Как видно, оценки очень разные. Во всяком случае, есть основание полагать, что уголовно-процессуальное законодательство в период от Свода законов уголовных 1832 г. до судебной реформы 1864 г. столь же качественно отличается от уголовного судопроизводства как до 1832 г., так и после 1864 г., представляя собой период, обозначенный в историко-правовой литературе как «дореформенное судопроизводство». Так, в рассматриваемой Книге второй «О судопроизводстве по преступлениям» Свода законов уголовных 1832 г. на более высоком, чем до этого, системном уровне определяются как общие вопросы уголовного судопроизводства, так и стадии производства следствия и судебного рассмотрения. Очень важно отметить, что предусматриваются суды как постоянно действующие органы. Подчеркивался принцип законности: приговор должен быть основан на «точном разуме законов, а не едином лишь судебском рассуждении», требовалось «означения точных слов закона, без сокращения и малейшей перемены», изменяющей часто самый смысл; на каждый пункт должны были быть означены «приличные законы», если же «на что приличных законов нет, то о том требовалось «означить именно». В Книге второй отражено право обвиняемого на свою защиту во время следствия и суда всеми «доступными и законными способами», и за самим следствием предусматривался контроль со стороны прокуратуры.

Не менее важно подчеркнуть и четкое разграничение предварительного следствия по уголовному делу, рассмотрение уголовного дела в суде и исполнение приговора суда – этот принцип по-прежнему является всеобщим. Так, в ст. 766 указывалось, что «производство уголовных делъ состоитъ: 1) Въ следствии или въ изыскании всехъ обстоятельствъ дела или происшества, составляющаго преступление, и въ собрании доказательствъ къ открытию и обличению виновнаго. 2) Въ суде, который состоитъ въ проверке следствия, въ суждении, по силе доказательствъ и уликъ, о вине или невинности подсудимаго и въ постановлении приговора по закону. 3) Въ исполнении приговора» [10].

В последующих статьях главы 1 Раздела первого (ст. 767-771) указывалось, что «производство следствия и все меры, къ оному относящияся, принадлежать Полиции ... Но какъ скоро следствие будетъ окончено, то действие Полиции пресекается, и дело поступаетъ въ Судъ ... Исполнение приговора есть дело Полиции ... Изъ общаго порядка уголовного судопроизводства изъемятся некоторые роды делъ, для коихъ законами установлень особый порядокъ судопроизводства» [10]. В главе 2 определяется подсудность с указанием конкретных судебных органов. В ст. 773 устанавливались три «степени» уголовного суда: Первая степень: уездные суды, городовые магистраты, ратуши, суды надворные; вторая степень: палаты уголовного суда; третья, высшая степень: Правительствующий Сенат. В ст. 774-778 определялась компетентность каждого из указных судов. Так, указывалась, что «ведомству Уездныхъ Судовъ подлежатъ уголовныя дела лицъ всехъ вообще состояний, кроме купцовъ и мещанъ, и исключая делъ, составляющихъ предметъ ведомства или особенныхъ Судебныхъ местъ и установлений, или Суда второй степени ... Ведомству Городовыхъ Магистратовъ и Ратушъ подлежатъ уголовныя дела купцовъ и мещанъ; изъ числа сихъ делъ изъемятся также дела, составляющия предметъ особыхъ Судебныхъ местъ и установлений, или Суда второй степени» [10].

Помимо этого законодатель несколько раз указывает «особые судебные места». О них идет речь в Разделе VII «Об особенных родах судопроизводства по делам уголовным». Указывается (ст. 1218), что «особенные роды судопроизводства закономъ установлены для следующихъ уголовныхъ делъ: По преступлениямъ противу Веры; По преступлениямъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ; По преступлениямъ должности или по деламъ, такъ называемымъ следственнымъ; По деламъ, подлежащимъ Суду Совестьному; По преступлениямъ людей Гражданскаго ведомства, судимыхъ въ Судахъ Военныхъ; По преступлениямъ людей Гражданскаго ведомства, судимыхъ въ Судахъ Духовныхъ; По преступлениямъ о развратномъ поведении, объ укрывательстве беглыхъ и дезертировъ; по преступлениямъ о членовредителяхъ и по проступкамъ маловажным; По преступлениямъ по разнымъ частямъ казеннаго управления; По преступлениямъ, чинимымъ въ Финляндии Российскими, а въ России Финляндскими обывателями» [10].

В частности, производство по «преступлениям против первых двух пунктов» (имеются в виду политические преступления в виде посягательства на государя, бунт, измена) раскрывается в данном Разделе в Главе 3 – «О судопроизводстве по государственным преступлениям против первых двух пунктов». В свою очередь, эта глава состоит из нескольких Отделений: Отделение первое: «О подсудности» (ст. 1221-1223); Отделение второе: «О производстве дел по Государственным преступлениям против первых двух пунктов в обыкновенных Уголовных Судах» (ст. 1224-1248); Отделение третье: «О производстве по преступлениям против первых двух пунктов в особо-учреждаемых Верховных Судах и в Правительствующем Сенате» (ст. 1249-1258). Так, в ст. 1221-1223 указывается, что «Преступления, заключающия въ себе умысль противу здоровья или къ оскорблению чести Императорскаго Величества и Августейшей Фамилии, бунтъ и измену, ведаются или 1) въ обыкновенныхъ Уголовныхъ Судахъ (а), или 2) по высшей и особенной степени ихъ важности составляются для суждения оныхъ особенные Верховные Уголовные

Суды (б); или 3) оне предаются суждению Правительствующаго Сената (в) ... Верховный Уголовный Судъ составляется, особеннымъ Высочайшимъ указомъ, изъ Членовъ Государственнаго Совета, Правительствующаго Сената и Святейшаго Синода и известнаго числа Военныхъ и Гражданскихъ Особъ ... Суждению Правительствующаго Сената предаются дела сего рода, также особенными Высочайшими указами» [10].

Далее в Главе 3 Книги второй рассматриваемого Раздела третьего Свода законов уголовных 1832 г. детализируется проведение определенных следственных действия и особенностей судебного рассмотрения, т.е., регулируется сам процесс судопроизводства. В частности, Отделение втором «О производстве дел по Государственным преступлениям против первых двух пунктов в обыкновенных Уголовных Судах» определялась последовательность производства применительно к делам, рассматриваемым «въ обыкновенныхъ Уголовныхъ Судахъ» (напомним, что фраза «преступления против первых двух пунктов» обозначала особо тяжкие государственные преступления и связывалась с практикой дел по формуле «слово и дело государево», когда любой человек мог публично заявить о государственном преступлении и потребовать расследования, при этом первый пункт касался посягательств на личность монарха и так называемого «оскорбления величества», а второй пункт охватывал бунт и измену; ранее был и третий пункт, касавшийся фальшивомонетничества, но затем он перестал относиться в политическим преступлениям). Указанная последовательность излагалась в виде небольших групп статей под следующими названиями: I. Начало дела. II. Донос. III. Производство по доносу. IV. Взятие под стражу. V. Отсылка обвиняемых и участников из Гражданского и Военного ведомства в Судебное место. VI. Производство в судебном месте. VII. Представление дела на ревизию. VIII. Представление приговоров в Правительствующий Сенат и на высочайшее усмотрение. IX. Определение награды за справедливый донос, и наказания за лживый.

Согласно ст. 1224 уголовно-политическое дела начинались «по доносу, извету или по сведениямъ, непосредственно дошедшимъ къ Военному и Гражданскому Начальству» (ранее речь шла об «извете», но вот наступили другие времена, и «извет» был заменен «доносом», соответственно «изветчик» - «доносчиком»). Далее регулируются вопросы, связанные с обязанностью доносить о такого рода деяниях, ответственности за недонесение и другими аспектами доносительства, причем это регулирование довольно подробное (1225-1236 Книги второй). В частности, указывается, что «всякаго состояния люди обязаны доносить о делахъ, касающихся до первыхъ двухъ пунктовъ, под опасениемъ за недонесение наказания, какъ за участие въ преступлении ... Доносить надлежитъ въ семъ роде преступлений не токмо о начинщикахъ умысла, но и о техъ, которые имъ помогали или советъ подали, или волю и хотение къ тому имели, хотя въ действие и не произвели; доносить надлежитъ въ семъ роде преступлений не токмо по известиямъ очевиднымъ и достовернымъ, но и въ техъ случаяхъ, когда бы кто сделался о томъ известнымъ по слуху отъ другихъ ... Если кто при исповеди объявить Духовному отцу своему объ умысле на честь и здравие Государя или о намерении произвести бунтъ и измену, и объявляя о томъ, не покажетъ раскаяния и намерения оное отложить, но единственно исповедуетъ о семъ, дабы согласиємъ или молчаниемъ Духовника въ преступномъ намерении своемъ более утвердиться, то Духовному отцу доносить о томъ немедленно, такъ какъ таковая исповедь не есть правильная, ибо исповедывающийся не во всехъ беззаконияхъ своихъ кается ... Однакожъ надлежитъ Духовнику въ томъ объявлении не открывать именно показанное на исповеди, но токмо въ ономъ сказать, что такой-то, показавъ его имя и звание, имеетъ злый умысль противу Государя или Государства и нераскаянное къ тому намерение; въ следствие сего извещения, подозреваемый немедленно долженъ быть взятъ подъ стражу. По взятии же его и начатии уголовного следствия, Духовникъ обязанъ все о томъ зломъ намерении слышанное, объявить безъ всякой утайки во всей подробности» [10].

Как видно, российский законодатель придает важнейшее значение любой информации, связанной с политическими преступлениями, будь то «слухи» или сведения, полученные на исповеди у священника, и, более того, требует, чтобы любой, кому станет известной такая информация, немедленно доложил об этом властям под страхом тяжкого наказания («как за участие в преступлении»). От такой обязанности не освобождались «жены, дети, родственники и служители ... в случае утайки, они подвергаются наказанию, как за соучастие в преступлении».

Поскольку в России был абсолютистский режим и сословное общество, то это обстоятельства также нашло отражение в институте доноительства о преступлениях против государства. Так, указывалась, что «запрещается доносить подь именемъ преступлений противу первыхъ двухъ пунктовъ, когда кто самъ услышитъ или отъ другаго уведаетъ, что помещики своихъ людей, также управители и приказчики подчиненныхъ имъ крестьянъ за непослушание ихъ назвали бунтовщиками или изменниками, или если кто въ обществе или въ разговоре или въ ссоре назвалъ другаго такимъ же сло вомъ. Доносителямъ таковымъ не токмо не давать веры, но и подвергать ихъ наказанию. Обиженному же таковымъ названьемъ предоставляется право искать безчестия; и если искъ будетъ доказанъ, то взыскивать безчестия въ пользу истца вдвое. Исключаются изъ сего крепостные дворовые люди и крестьяне, которымъ на помещиковъ ихъ, управителей и приказчиковъ давать судъ за безчестие запрещается». «Безымянный» донос оставался без рассмотрения, каждый донос должен был быть «основан на доказательствах». Здесь представляется еще важным подчеркнуть требование, содержавшееся в ст. 1236, согласно которой «доносы о делахъ, касающихся до преступлений противу первыхъ двухъ пунктовъ, подавать письменно и, притомъ немедленно, того жъ дня, Военному или Гражданскому Начальству, смотря по близости; въ случае же незнания грамоты, дозволяется доносить и словесно. Если по причине какого либо препятствия, въ тотъ же день доноса учинить нельзя, то доносить на другой день» [10]. Это требование («письменно») вытекало из повышенного уровня грамотности российского населения и стало механизмом реализации судопроизводственной концепции «формальных доказательств», когда в судебном рассмотрении учитывались в абсолютном большинстве случаев только оформленные документально доказательства.

Таким образом, начатое при Екатерине II формирование новой судебной системы (в рамках общей реформы государственного управления) получило более совершенное завершение, имея в виду подробное регулирование собственно предварительного следствия и судебного разбирательства по уголовным делам, чего не было сделано ранее. В совокупности сформированное законодательство о российском судопроизводстве в дальнейшем стало основой для Судебной реформы 1864 г., которая проводилась уже в духе либеральных идей.

Список литературы:

1. Кавелин К.Д. Сочинения. Ч.1. Критические статьи и рецензии. М., 1899.
2. Дмитриев Ф.М. Сочинения. Т. 1. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от судебника до учреждения о губерниях СПб., 1899. .
3. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи от 07.11.1775 г. // ПСЗ-1. № 14392.
4. Ефремова Н.Н. Эволюция отечественного правосудия (судебные реформы XVIII – XIX вв.) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2008. №2. С. 34-51.

5. Пачков А.А. Судопроизводство по преступлениям против государства в послепетровский период XVIII в.: 1725-1801 гг.: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005.
6. Милосердов А.С. Опыт модернизации судоустройства и судопроизводства в России на основе либеральной идеи во второй половине XVIII В.: его уроки и противоречия // Вестник Российского университета кооперации. 2015. № 2. С. 99-106.
7. Ильина Т.Н. Верховное правосудие в России во второй половине XVIII века попытка реформиорвания // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2023. № 4. С. 124-131.
8. Куемжиева Я.Н. Уголовное судопроизводство по преступлениям против государства в Российской империи первой половины XIX в.: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005.
9. Горожанкина Д.В. Свод законов о судопроизводстве по преступлениям 1832 г. как акт систематизации уголовно-процессуального законодательства Российской Империи // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 2. С. 57-61.
10. Книга вторая «О судопроизводстве по преступлениям» Свода законов уголовных // Свод законов Российской империи. Т. 15. СПб., 1832.
11. Блудов Д.Н. Записка о судебной реформе // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. СПб., 1866.
12. Бельский К.С. Барон М.А. Корф – видный русский государственный деятель и реформатор (к 200-летию со дня рождения) // Государство и право. 2000. № 8. С. 89-96.

References:

1. Kavelin K.D. Works. Part 1. Critical Articles and Reviews. Moscow, 1899.
2. Dmitriev F.M. Works. Vol. 1. History of Courts and Civil Appellate Proceedings from the Code of Laws to the Institution of the Provinces. St. Petersburg, 1899. .
3. Institutions for Governing the Provinces of the All-Russian Empire of November 7, 1775 // PSZ-1. No. 14392.
4. Efremova N.N. Evolution of Domestic Justice (Judicial Reforms of the 18th – 19th Centuries) // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2008. No. 2. pp. 34-51.
5. Pachkov A.A. Legal proceedings for crimes against the state in the post-Petrine period of the 18th century: 1725-1801: Cand. Sci. (Law) diss. Krasnodar, 2005.
6. Miloserdov A.S. Experience of modernizing the judicial system and legal proceedings in Russia based on liberal ideas in the second half of the 18th century: its lessons and contradictions // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2015. No. 2. pp. 99-106.
7. Ilyina T.N. Supreme justice in Russia in the second half of the 18th century: an attempt at reform // Historical and legal problems: a new perspective. 2023. No. 4. pp. 124-131.
8. Kuemzhieva Ya.N. Criminal proceedings for crimes against the state in the Russian Empire in the first half of the 19th century: Cand. Sci. (Law) diss. Krasnodar, 2005.

9. Gorozhankina D.V. Code of Laws on Criminal Procedure of 1832 as an Act of Systematization of Criminal Procedure Legislation of the Russian Empire // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2006. No. 2. pp. 57-61.
10. Book Two "On Criminal Procedure" of the Code of Criminal Laws // Code of Laws of the Russian Empire. Vol. 15. St. Petersburg, 1832.
11. Bludov D.N. Note on Judicial Reform // Judicial Statutes of November 20, 1864 with a Statement of the Reasoning on Which They Are Based. Part 2. St. Petersburg, 1866.
12. Belsky K.S. Baron M.A. Korff – a prominent Russian statesman and reformer (on the 200th anniversary of his birth) // State and Law. 2000. No. 8. Pp. 89-96.